

Вив Гроскоп

Прощай, грусть!

12 уроков счастья
из французской литературы

Перевод

Евгении Фоменко

Individuum
Москва, 2023

УДК 82

ББК 83

Г88

Это издание опубликовано с согласия
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Все права защищены.

Гроскоп, Вив

Г88 Прощай, грусть! 12 уроков счастья из французской литературы / Вив
Гроскоп [в пер. с англ. Е. Фоменко]. — М.: Individuum, 2023. — 256 с .

ISBN 978-5-6048294-2-4

Почему нас так манит «французский» образ жизни? Как научиться мифическому *joie de vivre* — чисто французскому умению наслаждаться моментом? Журналистка, писательница и комедиантка Вив Гроскоп с детства задавалась этими вопросами. Каждое лето она ездила во Францию, прилежно учила язык и мечтала впитать хоть немного «французскости», став чуть ближе к Франсуазе Саган — свободнее и смелее. Вив постепенно открывала для себя и других авторов, которым удалось уловить суть французских культуры и менталитета. Как и предыдущая книга Гроскоп «Саморазвитие по Толстому», «Прощай, грусть!» помогает переосмыслить классику, найти в ней что-то новое и актуальное. А за смешным и остроумным фасадом кроются уроки ностальгии от Пруста, альтруизма — от Гюго, психологии — от Стендаля, и даже урок любви к усам от Мопассана.

УДК 82

ББК 83

© Viv Groskop, 2020

© Евгения Фоменко, перевод, 2023

ISBN 978-5-6048294-2-4

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Содержание

Введение	7
1. «Здравствуй, грусть!» — Франсуаза Саган	32
2. «В поисках утраченного времени» — Марсель Пруст	47
3. «Жижи» — Коlette	67
4. «Отверженные» — Виктор Гюго	82
5. «Опасные связи» — Шодерло де Лакло	100
6. «Любовник» — Маргерит Дюрас	117
7. «Госпожа Бовари» — Гюстав Флобер	133
8. «Сирано де Бержерак» — Эдмон Ростан	150
9. «Милый друг» — Ги де Мопассан	165
10. «Красное и черное» — Стендаль	184
11. «Кузина Бетта» — Оноре де Бальзак	198
12. «Посторонний» — Альбер Камю	215
Заключение	230
Благодарности	245
О других писателях	247
Рекомендуемая литература	250

Введение

Счастье — это... притворяться французом

*Savoir, penser, rêver. Tout est là**

Французы стремятся преподать нам один весьма очевидный урок: если хочешь быть счастливым, лучше всего быть французом. Если хочешь жить идеальной жизнью, искать ее нужно во Франции. Воплощение этого — Франсуаза Саган. Она олицетворяет радостное безразличие. В ней есть и жажда жизни, и свобода творить все, что в голову взбредет. Ведь именно так большинство из нас и видит счастье? Наслаждаться каждым мгновением, вкусно есть, вкусно пить, влюбляться, следовать за мечтой... Французы считают, что умеют это лучше всех. А Франсуазе Саган, кажется, это удастся даже лучше, чем рядовому французу. Хотя она написала роман *Bonjour Tristesse* («Здравствуй, грусть!»), сама стала воплощением идеи *Au Revoir, Tristesse* («Прощай, грусть!»). Разве грусть — не то, с чем всем нам хочется проститься?

Впервые я увидела Саган по телевизору в 1980-е годы. Я смотрела на канале ВВС передачу о путешествиях *Postcard from Paris* («Открытка из Парижа»), ведущим которой был австралиец

* С фр. «Знать, думать, мечтать. Всё в этом» (Виктор Гюго). — Прим. пер.

Клайв Джеймс, блиставший в то время в Великобритании. Позже он рассказал в журнале *New Yorker*, что передача была невероятно популярной — даже принцесса Диана записывала ее выпуски на видеокассету, если ей случалось их пропустить. В каждом из них Джеймс бродил по берегам Сены, задумчивый и мечтательный, и брал интервью у французских знаменитостей (впрочем, он никогда не беседовал с мужчинами, только с привлекательными женщинами). В одном из выпусков Франсуаза Саган прокатила его по городу на своем автомобиле. Не пристегиваясь, она нажимает на газ, колеса визжат, автомобиль срывается с места и несется по жилому району со скоростью около 140 километров в час. «Довольно резвая машина», — нервно замечает Джеймс, стараясь говорить медленно, чтобы Саган понимала его английский. Потом добавляет: «Вы любите погонять, да?» Впрочем, она не улавливает намека.

«Жизнь идет так медленно», — вальяжно говорит она. Пока Саган катает Джеймса по Парижу на своем несущемся, как скорая помощь, белом «ситроене», ведущий пытается задавать ей вопросы, а она — преодолеть звуковой барьер. Писательница безразлично пожимает плечами, когда Джеймс упоминает о серьезной автомобильной аварии, в которую она попала, когда ей был 21 год, и переломала почти все кости: «Одиннадцать ребер, оба запястья и череп. Все решили, что я погибла. Закрыли мне глаза». Рассказывая об этом жутком происшествии, она «подрезает» пешехода и едет дальше, продолжая пожимать плечами. Джеймс тихонько скулит. Раздается закадровый голос: «Мы задели только его портфель. И все же от толчка он закрутился на месте, как флюгер».

Эти кадры надолго запечатлелись в моей памяти, я часто вспоминала их и посмеивалась. Вот уж действительно: прощай, грусть! В отличие от принцессы Дианы, я не догадалась записать выпуск на кассету. А много лет спустя, когда решила найти ту передачу, ничего не вышло. Мне даже стало казаться, что я все это

придумала. В конце концов, именно так я представляла, что значит быть французом определенного сорта. Ездишь по Парижу, плюешь на чужое мнение, задеваешь портфели прохожих и даже не обращаешь на это внимания. К тому моменту я уже неплохо владела французским и надеялась, что совсем скоро это сделает меня француженкой. Ну, может, правда, не склонной сбивать пешеходов... Я мечтала вести себя как Саган. Пусть эта мечта и была немного маниакальной и порочной, она оставалась моей мечтой. И неважно, что в реальности такого не бывает. Не пришло же мне все это, в самом деле?

А потом, пару лет назад, гуглив что-то совсем другое, я вдруг наткнулась на нужное видео и перенеслась в прошлое. Оказалось, его сняли в 1989 году. Сперва я узнала закадровый голос — медленную, уверенную, циничную австралийскую манеру Клайва Джеймса. В самом начале он описывает феномен, который возникает только во время чтения книги любимого писателя. Джеймс цитирует Саган: «И тогда что-то захлестывает меня, и, закрыв глаза, я окликаю это что-то по имени: „Здравствуй, грусть!“»^{*} Он продолжает, пока камера скользит по мосту Искусств: «Франсуаза Саган написала это в семнадцать лет, и она была здесь, была писательницей в Париже. Я жил на другом конце света и мечтал стать писателем в Париже. Я мечтал о столиках в кафе на левом берегу Сены, где сидел бы и писал собственный не по годам зрелый роман „Прощай, Сидней“». Именно это я поняла, впервые посмотрев передачу: люди испытывают такие же чувства, как я. *Другие* люди испытывают такие же чувства. Это реально.

Желание сбежать от самих себя и найти лучший способ жить — важный аспект читательского опыта. Английская писательница Джанет Уинтерсон называет чтение «растянувшимся на целую жизнь столкновением с умами, которые не похожи

^{*} Здесь и далее роман «Здравствуй, грусть!» цитируется в переводе Ю. Яхниной. — Прим. пер.

на ваш». Учить язык и открывать для себя авторов, писавших на этом языке, — двойное столкновение. Язык дает доступ к мировоззрению другой культуры, а чтение помогает погрузиться в него еще глубже. Я хотела именно такого отчаянного столкновения и жаждала найти именно такой прямой путь к определенному типу французского счастья. Подростком я мечтала о том же, о чем и Клайв Джеймс: *Au revoir*, скучная Англия! *Bonjour*, Париж! Мой роман с Парижем начался со школьных уроков французского, когда мне было одиннадцать лет, и подпитывался летними каникулами во Франции в годы отрочества. Когда же я стала достаточно взрослой, чтобы познакомиться с великими французскими писателями не только по телевидению, но и как положено, я уже была на крючке.

После той передачи я стала одержима французскими писателями и решила начать именно с Саган: подступить к ней оказалось проще всего, и она была особенно привлекательна для подростка. Мне хотелось прочесть все истории, написанные французами, чтобы понять их мир, понять их самих, научиться думать как они. Так, чтобы во мне стало меньше меня и больше... ну, такого... французского. Поведение Саган во время того интервью казалось мне экстраординарным. Эта женщина жила безрассудно, порывисто, эгоистично. Она отличалась от всех, кого я встречала раньше. Она была свободна. Едва ли не чересчур. Свободна до такой степени, что могла сбивать людей на улицах, не заботясь об этом. Я не совсем понимала, как это может научить меня жить лучше. Но казалось, что если я буду стараться, то все придет само. Впрочем, были и некоторые сомнения. Разве обязательно сбивать людей, если хочешь жить красивой жизнью? Я решила не задумываться об этом. Во французских представлениях о жизни и счастье было что-то неуловимое, интригующее и очень важное. Французы следовали немного другим правилам, чем все прочие люди. Наверное, если я смогу их усвоить, то научусь жить так, как они?

Думаю, мне хотелось не столько стать похожей на французов, сколько перестать быть похожей на себя. Я была в том возрасте, когда пытаются понять, как жить, и расшифровать знаки, которые посылает тебе взрослый мир. В телепередаче говорилось не только о том, какой была Саган, но и о том, насколько она отличалась от интервьюера. Клайв Джеймс — невероятно умный и прекрасный человек. Он построил телевизионную карьеру на анализе культуры, любви к литературе и умении ценить радости жизни. В том выпуске он дышит воздухом Парижа, и становится ясно, что он встретил достойного соперника: это место даже лучше него самого. Клайв воплощает в себе все то, что каждый, кто не родился французом, но хочет им быть, думает о французах. Ему радостно быть в Париже в компании Саган. Но при этом ему тяжело... Он хочет говорить по-французски, хочет быть французом, но больше всего, как он сам признает, ему хочется, чтобы рядом с ним оказалась француженка. Но все же ничего из этого у него не получается, и его «поглощает печаль несбыточного». Увидев это в шестнадцать, когда у меня за плечами уже было несколько лет уроков французского языка, я вздохнула и дала себе клятву на всю жизнь: к черту печаль несбыточного! Должен быть другой способ жить. Пусть мне покажут его французские писатели.

На этих страницах я исследую свое чувство — нечто трудноуловимое, что я искала с тех пор, как увидела на экране телевизора эту женщину, которая неслась на машине, будто ненормальная, выставив руку с сигаретой в окно и сердито хмурясь из-под слишком длинной, небрежно растрепанной челки. (Возможно, именно эта челка и не позволила ей разглядеть мужчину с портфелем. Челка и общее безразличие к безопасности пешеходов.) Французы придумали все нужные слова для этого чувства. *Un certain je-ne-sais-quoi*. Нечто совершенно неопределенное. *La joie de vivre*. Радость жизни. *Le bien-être* звучит гораздо сексуальнее и интереснее, чем сладкоречивое, приторное, вязкое «благополучие». Это готовность хватать жизнь за глотку и плевать на мнение окружающих.

Не в этом ли истинное счастье, не в этой ли «французскости»? Свободе делать что захочется? Раскрепощенности? Что же это за отношение к жизни, которое кажется таким заманчивым и особенно французским? Это все равно что показать средний палец всем авторитетам, понять, чего ты хочешь, познать себя и добраться в нужное место в минуту спешки. Брать от жизни все, не позволяя ей тебя сломить. Нас манит французский смысл жизни. Даже слово «счастье» на французском вызывает улыбку: *le bonheur*. Дословно — «хороший час». Ведь только это нам и нужно, правда? Один хороший час. Потом другой.

Когда я росла в маленьком городке в английской глубинке в исключительно английской среде, меня весьма привлекал такой образ мыслей. Я определенно не находила его в своем окружении. В отроческие годы я постепенно накапливала свидетельства того, что во Франции люди живут иначе. Это меня вдохновляло и давало надежду на будущее. В мире были другие места, где люди творили что хотели, а окружающие не только позволяли им это, но и одобряли их поступки! Там питались улитками и лягушачьими лапками. За завтраком пили горячий шоколад из огромных чашек. Там макали хлеб в напитки. В моем детстве в сельской Англии о таком «континентальном» поведении не было и речи. Ах да, в то время в Великобритании Францию и остальную Европу еще называли «континентом». Все смелое, веселое, не в полной мере британское имело «континентальный привкус». Я начала смотреть на жизнь в Англии глазами французов. Мы слишком долго варили овощи, превращая их в кашу. В детское питание. В пищу для человека, у которого выпали все зубы. Мы наливали в чай столько молока, что почти одно молоко и пили. Мы покупали хлеб, в котором было так много искусственных ингредиентов, что он не портился: его можно было есть и дня через три после покупки. Такой подход к хлебу возбуждает особенные подозрения у французов. В итоге соотечественники стали казаться мне варварами.

И этот тип варварства был сродни тюрьме. Дома, в Англии, мне приходилось соответствовать ожиданиям и быть человеком определенного сорта: не слишком восторженным, не слишком шумным, не слишком страстным, сдержанно циничным по отношению ко всему вокруг. «Французскость» давала надежду сбежать и воплощала в себе волнующие меня вещи: скорость, энергию, накал — все, что было сродни поездке по центру Парижа на раздолбанном «ситроене» со скоростью 140 километров в час. Безусловно, в этом я видела и элемент феминизма. В среде, где я росла, такое безрассудство не одобрялось вообще, но женщин, в частности, и вовсе сочли бы ненормальными, если бы они рискнули последовать примеру Саган. Ее стиль жизни был радикальным, мятежным и волнующим.

Когда подростком я впервые осознанно приехала во Францию, то пыталась использовать свой школьный французский, чтобы вписаться в окружение. Я начала узнавать вещи, не изучавшиеся в школе, применяя метод, который теперь называю «ситуационным». Большинство людей учат иностранный язык именно с помощью ситуационного обучения. Оно позволяет с грехом пополам перебиваться имеющимися знаниями. Человек не воздерживается от разговора только потому, что не знает правильных слов. Он наблюдает за происходящим и повторяет то, что носители языка говорят в различных ситуациях. Когда мне было двенадцать, я впервые поехала учиться по обмену в город Анже в долине Луары и две недели прожила во французской семье. Тогда я совсем плохо говорила по-французски и могла лишь рассказывать, что случилось в прошлом, добавляя слово «вчера» к коротким предложениям: «Вчера я иду в кино», «Вчера я ем *pain au chocolat*»*, — но все равно была решительно настроена вписаться в общество, пусть для этого

* Булка из слоеного теста с шоколадом. — Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

мне и приходилось изъясняться по-дурачки. Отчасти дело было в эскапизме и новизне. Я это понимаю. Но еще я радовалась способности общаться и наводить мосты неожиданным образом. И если ты готов выставлять себя дураком (а я этого совершенно не боялась), то можешь смешить людей. «Вчера я иду в кино. Вчера мне нравится фильм. Сегодня мне фильм не нравится. *C'est la vie*». Да, я была Фрейзером Крейном* в облике двенадцатилетней девочки. Мне часто становилось досадно, что французский прогрессировал очень медленно, и я все гадала, через сколько же лет смогу говорить на нем бегло (ответ: понадобилось семь или восемь). Но при этом я чувствовала, что выучить его возможно, и испытывала воодушевление.

Именно это и было для меня сутью французского: мне нужно было запомнить, как говорить на другом языке, и хотелось найти для этого такие способы, которые не имели бы ничего общего с зубрежкой, а были бы дурачкими и веселыми. Французский входил в безумную, настоящую, эксцентричную часть моего мозга. Мне нравилось напоминать себе, что на французском нужно говорить «Я мою себе руки» («*Je me lave les mains*»), а не просто «Я мою руки». Почему-то такие мелочи доставляли удовольствие, и мне невероятно нравилось узнавать две вещи разом: а) бессмысленный и странный способ сказать что-нибудь на английском так, как никто никогда не говорит («До пересвидания!»), и б) настоящий способ сказать то же самое по-французски («*Au revoir!*»). Сложно поверить, что человек не меняется как личность, если говорит не такие прозаичные и скучные вещи, как «Мне надо умыться», а что-то вроде: «Необходимо, чтобы я помыл себе руки» («*Il faut que je me lave les mains*»).

Прилежное освоение французского языка поглотило мою юность, и хотелось насколько возможно ускорить процесс.

* Фрейзер Крейн — персонаж ситкомов «Веселая компания» и «Фрейзер», который нередко становится объектом шуток. — Прим. пер.

Дважды в год я гостила в семье своей подруги по переписке, а сама она раз в год навещала меня в Англии. Это был весьма неравный «обмен»: через некоторое время она бросила попытки выучить английский, ведь я была невероятно настойчива и говорила с ней только по-французски. Если это представляет меня в дурном свете, учтите, что она не проявляла особой настойчивости в ответ. Между визитами я смотрела с субтитрами французскую мыльную оперу *Chateaufallon* («Шатоваллон»), которую показывали на британском телевидении: в основном в ней рассказывалось о женатых людях, которые занимались сексом с теми, с кем не стоило. А послушав неразборчивый поток сознания, который лился с французских радиоволн, я поняла, что далеко на школьной практике не уеду. Я пыталась ловить французские станции на собственном радиоприемнике, приобретенном специально для этой цели, и, когда сигнал был достаточно чистым, записывала прямые эфиры французского радио на кассеты, а потом прослушивала их, чтобы самостоятельно практиковаться в восприятии языка на слух. Чтобы совершенствовать письменную французскую речь, я обзаводилась все новыми франкоговорящими друзьями по переписке. Кроме той подруги, к которой я уже ездила в гости, появились многие другие: от Лоренс из Бельгии, присылавшей мне вырезанные из журналов снимки поп-звезды Жан-Жака Гольдмана, до наполовину француженки, наполовину вьетнамки Пату из Нормандии — она присылала мне фотографии своего кота. По сути, я была ходячей энциклопедией «французскости» и глотала все круассановые крохи культуры и языка, которые мне удавалось найти.

Когда я думаю о том, на что обрекала родителей, мне становится их жаль, ведь им приходилось сосуществовать со мной, пока я пыталась выжить в провинциальном английском городке, не имея ни выхода в интернет, ни регулярного доступа к зарубежным журналам. Я была одержима. Это была не столько

франкофилия, сколько франкомания. На стене спальни висели плакаты с Джонни Холлидеем («французским Элвисом») и Сандрой Ким (бельгийской участницей Евровидения 1986 года, чья прическа казалась мне более модной версией стрижки принцессы Дианы и на три года стала образцом для подражания). Я была очарована странными текстами французской эстрады, которые пыталась расшифровать и перевести, но никак не могла понять: то ли это я совсем не умею переводить, то ли французы — настоящие чудачки. У меня из головы не шли слова песни Джонни Холлидея «Que Je T’Aime» («Как я люблю тебя»): «*Mon corps sur ton corps / Lourd comme un cheval mort*». «Мое тело на твоём теле / Тяжелое, как мертвый конь». Как такое можно сказать? Или даже подумать? Как? Может, я просто не понимаю эротизм ситуации, в которой на тебе лежит мертвый конь? Почему Джонни Холлидей хвалится тем, что тяжел, как мертвый конь? Мне очень хотелось раскрыть эти тайны, желательно не убивая коня и не ложась под него голой. Впрочем, вскоре я уже начала читать Пруста и учить наизусть стихи Бодлера.

Итак, это книга о том, как «французскость» и счастье взаимосвязаны через чтение, поскольку именно в чтении я всегда находила утешение. Я надеюсь показать на примере французских писателей, с которыми познакомилась в отрочестве и юности, как такая взаимосвязь может помочь всем нам привнести больше радости в свою жизнь. Писатель Андре Жид однажды назвал радость моральным долгом: «Знайте, что радость реже, сложнее и прекраснее печали. Как только вы сделаете это наиважнейшее открытие, вы должны будете принять радость». Не было ли в некотором роде случайностью, что французский принес столько радости в мою жизнь? Мог ли это быть любой язык, любое хобби, любое открытие? Или же было во «французскости» нечто такое, что порождало радость? Позже я учила в школе немецкий и испанский, а гораздо позже не на шутку увлеклась

русским, но это совсем другая история*. И все же французский стал моей первой любовью, мне удалось изучить его достаточно хорошо, чтобы бегло говорить на нем и сейчас, спустя тридцать лет с моего первого урока и без регулярной практики. Французский постоянно присутствовал в моей жизни. Он стал частью меня. Возможность погружаться в книги, упоминаемые на этих страницах, и таким образом поддерживать жизнь в этой части моего существа оказалась великолепным подспорьем, которое помогало мне принимать свои взлеты и падения.

Но французы есть французы, и потому я подозреваю, что их литература вовсе не случайно столь многозначительна и судьбоносна. В конце концов, они заявляют о своих правах на множество важных вещей, имеющих куда большее значение, чем вино, сыр и секс. (А французы действительно заявляют о своих правах на эти вещи — и заявляют решительно, словно бы именно они и только они их придумали.) Годами французы утверждают, что у них самый прекрасный и самый выразительный язык, что им свойственна величайшая ясность мысли в человеческой истории, а еще, конечно, что именно они больше других предрасположены испытывать радость. Они описывают все это в мельчайших подробностях словами Вольтера, Руссо, Декарта и Монтеня. Но здесь достаточно и нескольких слов: «французский» — значит «лучший».

Интересно, не эта ли уверенность — даже заносчивость, если совсем честно, — привлекла меня к французскому языку, а вместе с ним и к французской литературе? Мышление французов не лишено тщеславия, которое не свойственно другим культурам. Если вы жаждете радости, чуда, счастья, жизни и света, то искать эти трудноуловимые вещи лучше в таком месте, которое, кажется, и правда знает, что делает, и где люди не боятся

* См. книгу «Саморазвитие по Толстому. Жизненные уроки из 11 произведений русских классиков».